

УДК 330.341.2

РОССИЙСКАЯ СИСТЕМА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО И МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ОТЧУЖДЕНИЯ

М.Л. Альпидовская

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Показано, что глобально господствующая либеральная экономическая модель «нехозяйствования», изначально являющаяся антисистемной и хаотичной, порождает «антиприродный», неестественный процесс формирования целей этого развития – увеличение любой ценой количественных показателей прибыли в ущерб процессу производства, населению и окружающей природе как таковой. В свою очередь, неолиберальные, постмодернистские «паттерны» перестают совпадать с общественными экономическими интересами, уничтожают субъектность и подлинность, приводят к виртуальному структурному переформатированию системы на стадии практически максимального спада.

Ключевые слова: справедливость, либеральная экономическая модель, общественные экономические интересы, система социально-экономических отношений.

Понятия нравственности, морали, справедливости и права, независимо от того, являются ли они нормами защищаемыми или не защищаемыми силой государства, заключают в себе столь значительный и глубокий смысл, что недооценить их роль в общественной жизни и хозяйственной деятельности человека весьма трудно.

Аристотель определял «справедливое» как середину между двумя родами несправедливости – нарушением закона и неодинаковым отношением к равным. Современные «демократы» считают неравенство людей безусловной явностью, заявляя о неодинаковости или неравности людей. Это и есть, с их точки зрения, современное определение справедливости. Для обоснования своего воззрения они приводят принцип различий и индивидуаций Готфрида Вильгельма Лейбница: «...нет на свете двух совершенно одинаковых вещей...» [8]. При этом, во-первых, ошибочно приводятся к единому знаменателю равенство и одинаковость, а во-вторых, Лейбниц, утвердив принцип различий и индивидуаций (закон дифференциаций), по контрасту постулирует принцип тождественности неразличимых вещей, трактуя его как закон противоречия, точнее, непротиворечивости или запрета на противоречия.

В сущности, люди, независимо от пола, возраста или расы, противоположны и не могут быть одинаковыми, но они могут обладать одинаковыми, т. е. равными, правами, так как равенство в данном случае носит не антропологический, а социально-экономический характер – равенство прав на жизнь, свободу, труд... стремление к счастью [2, с. 145]. В этом и состоит смысл справедливости.

Об «антиприродности» неравенства писал также Ж.-Ж. Руссо. Другой демократ прошлого И.Г. Фихте, рассуждая о природе и о праве как о

первопричинах «равенства–неравенства», отмечал: «За неравенство, возникшее случайно, без нашего содействия – физическое неравенство, пусть отвечает природа; неравенство сословий кажется моральным неравенством; по поводу него возникает поэтому совершенно естественный вопрос: по какому праву существуют различные сословия?» [11, с. 31]. Равным образом К. Маркс на страницах «Капитала», высмеивая высокопарность и красноречивость «буржуазно-демократической Великой хартии вольностей и прав человека», фразёрство о свободе, равенстве, братстве вообще, ослепляющих обывателей всего мира, противопоставляет этим пышным декларациям прав «простую, скромную, деловую, будничную постановку вопроса» о государственном сокращении рабочего дня, например. Он говорит о требованиях «будничного дела, заботы о пуде хлеба и пуде угля» [7, с. 296–331].

К каким же посылкам можно прийти, если в своих аналитических разработках мы станем отталкиваться от логики прав и законов современного перераспределения, предписывающих противоположную философию, антагонистичную человеческой сущности и человеческому обществу как таковому?! Если будем рассматривать проблему с позиций экономического, но никоим образом этического человека? Этическая составляющая человека разумного, требующая порядка (системности) и справедливости, содрогается от ужаса. Объективная оценка социально-экономической системы «столетней давности», сформулированная подданным Российской империи в начале XX в. Лео Бельмонтом, актуальна и сегодня: «На рынке господствует страшный хаос. Экономический мир кажется не вышедшим ещё из туманного состояния, он не выделил из себя солнца справедливости, вокруг которого катились бы по эллипсам труда шары благосостояния» [5, с. 86].

В настоящее время глобально господствующая либеральная экономическая модель «нехозяйствования», изначально являющаяся антисистемной и хаотичной, несёт в глубине своей «антиприродный» неестественный процесс обоснования и формирования целей этого развития – увеличение любой ценой количественных показателей прибыли в ущерб и самому процессу производства, и населению, и окружающей природе как таковой.

Помимо прочего, в высшей степени понизилась ценность труда как такового – как физического, так и умственного. Отчуждённые институционально не только от средств производства, но и от возможности участия в процессе созидания реальных благ люди вынуждены продавать свою естественную способность к созиданию за самую низкую цену, едва дающую возможность физически воспроизвестись. Человек сегодня, рождённый творить, лишённый жизненных сил, обречён «на старости лет страдать от голода, исчерпанный вконец, преждевременно умереть, вертя последним усилием колесо машины» [5, с. 87].

«Реальность» и рациональность экономики мутировали, а где-то и мимикрировали в виртуальную «хрематистику» и безграничность постмодернистского гедонизма. Перескочив через «гражданское общество» развитого капитализма, граждане России оказались в потребительском обществе и далее – в постмодерновом обществе «спектакля» со всеми вытекающими, далеко не столь позитивными последствиями. Более того, обесценен и умственный труд. Он абсолютно не ценится пропорционально

прибыли, извлекаемой собственниками средств производства благодаря новым идеям, воплощённым в этих средствах.

Получив от «творческой мысли» расписку, правом воспроизведения этой мысли овладевает собственник средств её физического воплощения в материальный облик. Мысль истинного творца теряет свою стоимость для него в момент институционального отчуждения, т. е. перехода в частную собственность другого лица, которое сможет извлечь из неё выгоду.

Многие сегодня гонят от себя мысль об упомянутых выше фундаментальных гарантиях перспективной обеспеченности существования при капитализме, тех гарантиях, которых у них, по существу, нет. Они не задумываются о собственности на средства производства. Этому способствует проводимая реформа образования, ведущая Россию к построению дикого, архаичного сословного общества. Идеологи этой реформы встроили в свою доктрину модную «философию» постиндустриального общества, в рамках которой возникло радикальное элитарное течение, развивающее идею «интеллектуального класса». Последний должен занять господствующее положение в обществе, потеснив (якобы) буржуазию.

Количество проблем в высшем образовании сложно ограничить каким-то конкретным конечным числом. Однако выделим следующие три.

Первая: всё больше специалистов обучаются по заочной форме (рис. 1). Вторая: значительно увеличился выпуск специалистов гуманитарного, управленческого и экономического профиля – юристов, менеджеров, экономистов, бухгалтеров, финансистов. При этом в учебных программах технических специальностей по сравнению с советской системой образования увеличилась доля гуманитарных дисциплин. В частности, в Санкт-Петербурге в 1992 г. было два вуза, готовивших специалистов по юриспруденции, в 1999 г. их количество увеличилось до 50, а в 2007 г. – их стало более 100.

Р и с . 1. Количество студентов, обучающихся в российских вузах, по формам обучения (в %)[12].

Напрашивается вопрос, необходимо ли такое количество юристов и бухгалтеров в социально-экономической системе с простой и стабильной законодательной базой, с низким уровнем преступности? А если ежегодно «на-гора» «выдаются» сотни новых законов, тысячи подзаконных актов и тома инструкций? К какой модернизационной цели движется наша страна, ведомая правительством-реформатором?

Третья проблема: возросла доля студентов, обучающихся на платной основе. По данным Министерства образования и науки Российской Федерации, к началу 2014 г. в России насчитывалось 593 государственных и 486 негосударственных высших учебных заведений, которые имеют соответственно 1376 и 682 филиала. Всего в них учились 7 млн человек, из них 2 млн обучались за бюджетный счёт. В СССР вузов и их филиалов насчитывалось в пять раз меньше. По числу студентов вузов, приходящихся на 10000 человек населения, РФ уверенно опережает развитые страны объединённой Европы.

В итоге отстранение государства от образования населения и реформированная система образования должны подготовить, с одной стороны, сообщество «управляющих миром», а с другой – вырастить массу «морлоков с интеллектом кретинов, не способных на какой-либо внятный протест». Пример, приведем рассуждения Андрея Михайловича Столярова, видного (в определённых кругах) писателя, лауреата множества литературных премий: «Современное образование становится достаточно дорогим... В результате только высшие имущественные группы, только семьи, обладающие высоким и очень высоким доходом, могут предоставить своим детям соответствующую подготовку... Воспользоваться (новыми лекарствами) сможет лишь тот класс людей, который принадлежит к мировой элите. А это в свою очередь означает, что “когнитивное расслоение” будет закреплено не только социально, но и биологически, в предельном случае разделив все человечество на две самостоятельные расы: расу «генетически богатую», представляющую собой сообщество «управляющих миром», и расу «генетически бедную», обеспечивающую в основном добычу сырья и промышленное производство...»[6].

Наряду с этим современная экономическая мысль «обнаруживает» новую экономическую категорию – интеллектуальный капитал – и пытается идеологически вооружить ею представителей рабочего класса, выполняющих социально-экономические функции, требующие высокой квалификации и знаний [7, с. 210–219]. А представителям среднего класса внушается чувство псевдостабильного бытия. Это – ложное чувство приобщённости к собственности на средства производства и, как следствие, расширения своей экономической свободы, так же как обладание несколькими акциями, не освобождает работника от необходимости продажи своей рабочей силы. В то время, как принадлежность к основным классам (прежде всего) определяется тем, является ли пользователем, распорядителем или владельцем одновременно, т. е. собственником средств производства (эффективных источников производственного накопления), данный субъект, или он временно допускается к ним ради текущего заработка для себя и извлечения прибыли для хозяина на ранее строго оговорённых условиях [3, с. 148].

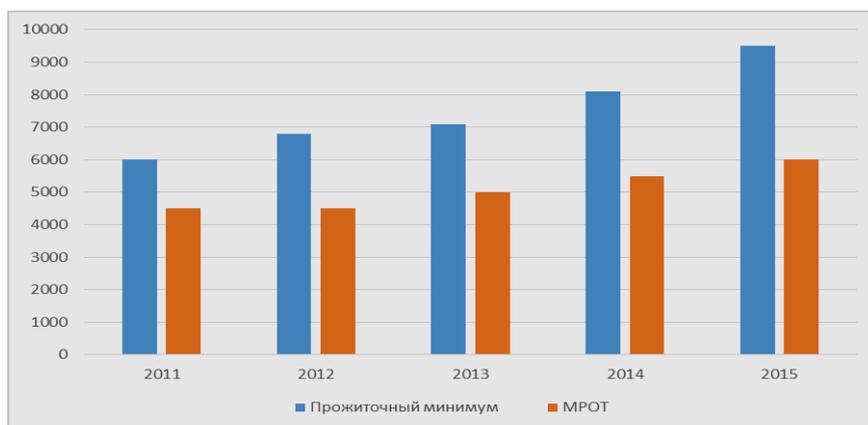
Тем не менее современное определение интеллектуального капитала как капитала, воплощённого в знаниях, умениях, опыте, квалификации людей, никак не противоречит, а, напротив, соответствует марксовым признакам потребительной стоимости товара рабочая сила – способность–возможность создавать более продвинутые потребительные стоимости. Отдача интеллектуального капитала имеет место в виде качества и производительности труда работников. Эти признаки стали выделяться и даже «открываться» как интеллектуальный капитал.

Вымышленные же суждения о возможности эффективного применения персонального интеллектуального капитала в условиях глобального системного экономического кризиса, стагнации производства, гиперинфляции и безработицы обращаются в иллюзии и заблуждения, поскольку в процессе реализации индивидуального интеллектуального капитала одновременно реализовывается и рабочая сила, иначе определяемая как способность к труду. В случае невозможности её (их) продажи её (их) владельцу нет никакой пользы. «Он (владелец) делает тогда вместе с Сисмонди следующее открытие: “Способность к труду... есть ничто, раз она не может быть продана”» [7, с. 217].

В подобной ситуации оказались сегодня миллионы представителей так называемого среднего класса. И не только России, но и развитых капиталистических стран Европы, ощутивших на себе последствия снижения реальной заработной платы и урезания финансирования всевозможных социальных программ. И осознание того, что они являются владельцами капитала, пусть даже и интеллектуального, не даёт им хоть сколько-нибудь надежды на какие-либо перспективы, кроме одной – «продавать свою собственную шкуру», которую, по словам К. Маркса, будут «дубить» [4]. Обесцененный умственный труд должен «искать» капитал и «наниматься в тысячах профессий», не соответствующих ни его профилю, ни его квалификации.

Если не единственным, то, во всяком случае, «вырастающим выше» всех этих проблем оказывается собственник средств производства. Целенаправленный на увеличение прибыли, он постоянно уменьшает величину издержек производства, так сказать, оптимизирует расходы. Подобная оптимизация сказывается на менее всего способном к сопротивлению экономическом факторе производства – труде. В свою очередь, экономя на обновлении капитала, собственник подобным образом обесценивает (косвенно) труд тех, кто изобретает и внедряет новые технологические процессы.

Наконец, не имея возможности «оптимизировать» сырьё и материалы (при уже минимальной их цене), собственник средств производства либо прямо экономит на заработной плате наёмного труда (физического или умственного) (см. рис. 2), либо косвенно, удлиняя рабочее время (попрохоровски – увеличивая производительность труда [9]).

Р и с . 2. Минимальный размер оплаты труда и прожиточный минимум в Российской Федерации в 2011-2015 гг. (руб.) [12].

При обсуждении проблем производительности труда в общественном производственном процессе либералами от экономики проявляется глубочайшая ущербность мысли. И это – не заблуждение, а обман. Что такое производительность труда? Это его эффективность. Это степень пользы для человека от применения чего-либо. От понятия пользы, выгоды человеку перескакивают на финансовое или количественное измерение труда, что с реальной хозяйственной деятельностью никак не соотносится. В этот момент он превращается в полноценного хозяина, тем самым обесценивая труд в свою пользу. «И в малой лишь мере он вознаграждает трудящихся за их обиду дешевизной предметов, так как подвергающиеся самой большой эксплуатации меньше всего в состоянии покупать... Капитал не встречает среди них даже желания приобрести созданные ими блага, потому что цена их требует известного культурного уровня и более высокого образа жизни; даже плоды обыкновенного фабричного труда оказываются нередко выше потребности обнищавшего населения» [5, с. 88–89].

В начале 1990-х гг. после выхода в свет работы Э. Пестеля «За пределами роста» Римский клуб впервые выступил с докладом, в котором было отмечено, что никогда ещё мир не находился в таком плену у денег, капитализм так нагло и бесцеремонно не выражал уверенность в своём превосходстве. Он вознаграждает победителей и карает побеждённых. Но сам успех капитализма создаёт условия для его провала. Мечта о бесконечном, неограниченном выборе может завершиться такой кошмарной ситуацией, где в принципе не будет никакого выбора. Мир изобилия может погрузиться в век всеобщей скудости. Вопрос в том, когда произойдёт это «погружение».

В основе этого лежат исключительный субъективизм, удовлетворение спроса исключительно «имущих» потребителей, и неизбежная неолиберальная каталлаксия – социально-экономическое состояние, характеризующееся спонтанным порядком и не способствующее оптимальному удовлетворению потребностей в обществе. Термин «каталлактика» использовался Людвигом фон Мизесом и Фридрихом Августом фон Хайеком для обозначения нового смысла экономической науки, в принципе отрицающей понятие хозяйственного комплекса.

В итоге неолиберальные, а точнее, постмодернистские «паттерны» перестают совпадать с общественными (общенациональными) экономическими интересами и уничтожают и субъектность, и подлинность, т. е. приводят не только к виртуальному структурному переформатированию системы на стадии практически максимального спада [1].

Прямым доказательством этого является признание ведущими экспертами-экономистами «Великого Запада» не банкротства и несостоятельности господствующей ныне глобально социально-экономической системы, а фиаско капиталистической концепции устройства мира. В конце января 2017 г. в Давосе прошёл Всемирный экономический форум, на котором основным предметом обсуждения стал традиционный доклад «Глобальные риски» (подготовленный группой тщательно отобранных аналитиков и опубликованный заблаговременно в Лондоне), в котором напрямую было заявлено о крахе капитализма. Среди участников этого всемирного либерального экономического форума не было первых лиц ведущих стран объединённого Запада. Российскую делегацию возглавляли всё

те же Чубайс, Греф, Шувалов и новоиспечённый министр экономического развития Орешкин.

В докладе в рейтинге глобальных рисков одно из первых мест занимает глобальный рост неравенства в доходах между бедными и богатыми. При этом экспертов, собственно, не тревожат статистические данные бедности и нищеты населения. Оправдывая и обеляя рынок с его всемогущей «невидимой рукой», не думая о проигравших в рыночной конкуренции, они призывают «начать немедленную и активную борьбу» за сжатие общественной страты (опять же страты, но не класса)[11].

Как бы то ни было, фактически в последние 40 лет, начиная с 1970-х гг., рост благосостояния так называемого среднего класса осуществлялся за счёт перераспределения доходов. И для того чтобы не вызвать диссонанс с самой идеей капитализма, рост обеспечивался за счёт всё большего расширения потребительского кредитования, чего до начала 1970-х гг. практически не существовало. У типичного представителя среднего класса создавалась иллюзия обеспеченности. Тем не менее подобные манипуляции сознанием имеют некоторые ограничения.

Созданные на пустом месте финансовые «пузыри» благополучно лопнули. Капитал, заваливая уже переполненный товарами (превышающими пределы разумных потребностей и прежде всего пределы покупательной способности) рынок, наносит ущерб самому себе. Да и поглощая, отнимая функции труда и переориентируя их на себя, он сам перестаёт быть капиталом – фактором как таковым.

Стремление к возвращению производств из стран капиталистической периферии в его метрополию похвально. Однако ожидаемого эффекта от данного процесса в скором времени ожидать не стоит. Возвращению подлежат «дешёвые» рабочие места. Они не в состоянии обеспечить прирост доходов среднего класса без увеличения стоимости продукции, которая мультипликативно ограничит рост потребления. Экономика вновь окажется в состоянии новой волны кризиса. Да и экспансия новых рынков не предвидится также.

Человечество, оказавшееся на развилке двух дорог, ведущих в сторону либо перманентных либерализации и глобализации политики, экономики и идеологии, либо возвращения вспять к обособлению национальных государств и протекционизму, в действительности может попасть в колею IV технологической, т. е. так называемой «цифровой», революции. Акцент последней ставится не на развитии техники и технологий, а на человеке как таковом. Человек должен стать «цифровым» биороботом. Цифровая экономика, продуцирующая системы «человек–машина», «человек–компьютер», имеет своей целью далеко не гуманистические смыслы. Для большей части человечества этот «новый мир» обернётся новыми «тёмными веками», эпохой мрака, сопровождающейся варварским сокращением населения планеты, разрушением института государства, его суверенитета, семьи, науки, образования, здравоохранения.

Проблема «золотого миллиарда» теряет свою актуальность, она размывается не сама собой, она растворяется в непрекращающихся миграционных потоках людей с другого континента. При этом молодые европейцы связывают своё будущее далеко не с США, а с Канадой, Австралией и Новой Зеландией. Налицо ситуация, выходящая из-под контроля

«хозяев жизни» (по Б. Дизраэли) [10]. Это – во-первых. А во-вторых, разворачивающаяся борьба правящей элиты за будущее. Стратегия современной России должна состоять в выявлении и овладении этими противоречиями, а также в возможности сыграть на них, как это уже было сделано в нашем государстве в 30-х гг. XX столетия, для того чтобы не допустить институционального и метафизического отчуждения человека от человека.

Список литературы

1. Альпидовская М.Л. К вопросу о целеполагающей деятельности человека и субстанциональности его труда в экономике будущего // *Экономико-правовые аспекты реализации стратегии модернизации России: поиск модели эффективного социохозяйственного развития: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Г.Б. Клейнера [и др.]. Краснодар, 2015. С. 10–14.*
2. Альпидовская М.Л. Об имитации интеллектообщества // *Философия хозяйства. 2012. № 1 (79). С. 145–150.*
3. Альпидовская М.Л. О противоестественности неравенства потребления чисто-общественных благ в современной России // *Вестник Тверского государственного университета. Сер. Экономика и управление. 2016. № 3. С. 16–21.*
4. Альпидовская М.Л. Социально-экономическая эвфемизация как способ существования современного экономизма // *Философия хозяйства. 2013. № 1 (85). С. 37–46.*
5. Бельмонт Лео. Социализм и справедливость. Изд. 2-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 97 с.
6. Замысел реформы образования. Реконструкция [Электронный ресурс] // Экстернаты Москвы. Единая информационная служба: сайт. 2011. URL: <http://www.extern-mos.ru/articales-news57.html> (дата обращения: 07.02.2017).
7. Маркс К. Капитал: критика политической экономии. М.: Эксмо, 2011. Т. 1. 335 с.
8. Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западня глобализации: атака на процветание и демократию. М.: Альпина, 2001. 330 с.
9. Минина А. Михаил Прохоров предлагает реформу труда [Электронный ресурс] // *The Конкурент*. 2011. 04. URL: <http://www.konkurent-krsk.ru/index.php?id=3508> (дата обращения: 07.02.2017).
10. Фурсов А.И. Мир будущего [интервью] / А. Фурсов ; беседу вел О. Морозов // *Наш современник. 2016. № 10. С. 214–227.*
11. *Экономические вызовы западных санкций против России: общие и особенные черты : моногр. / под ред. М.Л. Альпидовской. Краснодар : НИИ Экономики ЮФО, 2016. 184 с.*
12. Калабеков И.Г. Российские реформы в цифрах и фактах, 2008 – 2016 // *Российские реформы в цифрах и фактах [сайт]. 2017. URL: <http://refru.ru/education.html>*

THE RUSSIAN SYSTEM OF SOCIO-ECONOMIC RELATIONS IN THE CONTEXT OF THE INSTITUTIONAL AND METAPHYSICAL ALIENATION

M.L. Alpidovskaya

Financial University, Moscow

The article shows that the modern global liberal model causes unnatural goal defining process which aims at the increase of quantitative indicators at any

cost, even at the expense of profit, the process of production, population and the natural environment. In its turn, the neoliberal, postmodern patterns no longer match the social economic interests and destroy the subjectivity and the authenticity that leads to the virtual structural reformation of the system at the stage of ultimate decline.

Keywords: *the justice, the liberal model of the modern economic, the social economic interests, the system of socio-economic relations.*

Об авторе:

АЛЬПИДОВСКАЯ Марина Леонидовна – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ (12599300, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49), e-mail: morskaya67@bk.ru

About the author:

AL'PIDOVSKAJA Marina Leonidovna – Doctor of Economic Sciences, Professor at the Department of Theoretical Economy, Financial University (12599300, Russia, Moscow, 49 Leningradsky prospect), e-mail: morskaya67@bk.ru

References

1. Al'pidovskaja M.L. K voprosu o celepolagajushhej dejatel'nosti cheloveka i substancional'nosti ego truda v jekonomike budushhego // Jekonomiko-pravovye aspekty realizacii strategii modernizacii Rossii: poisk modeli jeffektivnogo sociohozjajstvennogo razvitija: sb. st. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / pod red. G.B. Klejnera [i dr.]. Krasnodar, 2015. S. 10–14.
2. Al'pidovskaja M.L. Ob imitacii intellektoobshhestva // Filosofija hozjajstva. 2012. № 1 (79). S. 145–150.
3. Al'pidovskaja M.L. O protivooestestvennosti neravenstva potreblenija chisto-obshhestvennyh blag v sovremennoj Rossii // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Jekonomika i upravlenie. 2016. № 3. S. 16–21.
4. Al'pidovskaja M.L. Social'no-jekonomicheskaja jevfemizacija kak sposob sushhestvovanija sovremennogo jekonomizma // Filosofija hozjajstva. 2013. № 1 (85). S. 37–46.
5. Bel'mont Leo. Socializm i spravedlivost'. Izd. 2-e. M.: LIBROKOM, 2012. 97 s.
6. Zamysel reformy obrazovanija. Rekonstrukcija [Jelektronnyj resurs] // Jeksternaty Moskvy. Edinaja informacionnaja sluzhba: sajt. 2011. URL: <http://www.externmos.ru/articales-news57.html> (data obrashhenija: 07.02.2017).
7. Marks K. Kapital: kritika politicheskoj jekonomii. M. : Jeksmo, 2011. T. 1. 335 s.
8. Martin G.-P., Shumann H. Zapadnja globalizacii: ataka na procvetanie i demokratiju. M.: Al'pina, 2001. 330 s.
9. Minina A. Mihail Prohorov predlagaet reformu truda [Jelektronnyj resurs] // The Konkurent . 2011. 04. URL: <http://www.konkurent-krsk.ru/index.php?id=3508> (data obrashhenija: 07.02.2017).
10. Fursov A.I. Mir budushhego [interv'ju] / A. Fursov ; besedu vel O. Morozov // Nash sovremennik. 2016. № 10. S. 214–227.
11. Jekonomicheskie vyzovy zapadnyh sankcij protiv Rossii: obshhie i osobennye cherty : monogr. / pod red. M.L. Al'pidovskoj. Krasnodar : NII Jekonomiki JuFO, 2016. 184 s.
12. Kalabekov I.G. Rossijskie reformy v cifrah i faktah, 2008 – 2016 // Rossijskie reformy v cifrah i faktah [sajt]. 2017. URL: <http://refru.ru/education.html>